

Рабочее движение — это движение абстрактного труда.

1. В МАРКСИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ АНТАГОНИЗМ МЕЖДУ ПОЛЕЗНЫМ ТРУДОМ И АБСТРАКТНЫМ ТРУДОМ ПРАКТИЧЕСКИ ИСЧЕЗАЕТ.

На первый взгляд удивительно, что, хотя Маркс придавал такое значение двойственному характеру труда, данный вопрос почти полностью игнорируется огромным массивом литературы, берущей «*Kapital*» в качестве отправной точки. То же самое высказал И.И. Рубин в начале 1920-х годов^[1]: «При таком решающем значении, которое Маркс придаёт своему учению об абстрактном труде, приходится удивляться, что ему уделялось так мало внимания в марксистской литературе» (Rubin 1928/1973: 131). Однако его замечание мало что изменило в сложившейся ситуации.

Возможно, это как-то связано с методом Маркса. В своей критике политической экономии Маркс сосредоточивает свой взгляд на объекте критики: абстрактном труде и категориях политической экономии, которые он порождает. Он смотрит на мир глазами конкретной деятельности или осознанной жизнедеятельности, которую отрицает абстракция труда. Итак, очевидно, что конкретная деятельность не имеет большого значения в его критике: внимание направлено на абстрактный труд, являющийся объектом критики. И всё же это не кажется адекватным объяснением, так как комментарий Маркса в начале Главы 1 достаточно очевиден: «этот момент является отправным пунктом, от которого зависит понимание Политической Экономии» (1867/1965: 41; 1867/1990: 132). Кажется, трудно не заметить такого поразительного утверждения, и всё же это именно то, что делает вся марксистская традиция — и особенно традиция марксистской экономики.

В двухтомнике Говарда и Кинга «История марксистской экономики» (Howard and King 1989, 1992) есть только одно мимолётное упоминание о различии между абстрактным и конкретным или полезным трудом, и данный вопрос вообще не развивается. Это, по-видимому, является точным отражением работы тех, кто пытался разработать марксистскую экономику (а не критику политической экономии). Так, например, Эрнест Мандель в своей весьма влиятельной «Марксистской экономической теории» не упоминает о контрасте между абстрактным и полезным трудом: у него есть небольшой раздел о свободном труде и отчуждённом труде (Mandel 1962/1971: 172), но автор не устанавливает связи с абстракцией, и данный пункт не играет важной роли в его аргументации. Точно так же Поль Маттик, рэтекоммунист и извечный критик ленинизма, равно как и один из выдающихся экономистов-марксистов прошлого столетия, тоже ничего не говорит о двойственном характере труда^[2]. В традиции марксистской экономики доминирует унитарная и транс-историческая концепция труда. Это, пожалуй, неудивительно, ибо само понятие марксистской экономики подразумевает полное подчинение конкретного абстрактному труду: только в той мере, в которой это подчинение действительно

имеет место, можно говорить об экономике, связанной законами. Сама идея марксистской экономики закрывает ту категорию труда, которую открыл Маркс.

Мы должны обратиться к тем, кто подчёркивал важность понимания работы Маркса не как политической экономии, а как "критики" политической экономии, чтобы найти некоторое упоминание о двойственном характере труда. Но и здесь происходит нечто странное: двойственный характер труда трактуется как всего лишь *однозначный*, как относящийся исключительно к абстрактному труду. Здесь, как мы уже видели, лидирует И.И. Рубин, опубликовавший в начале 1920-х годов в Советском Союзе свои «*Очерки по теории стоимости Маркса*», а затем исчезнувший во время сталинских чисток. Рубин настаивает на том, что «Маркс придаёт решающее значение различию между конкретным и абстрактным трудом» (1928/1973: 131) и посвящает целую главу абстрактному труду: глава посвящена не двойственному характеру труда, а абстрактному труду. Он полагает, что конкретный труд фактически подчинён абстрактному труду и не понимает это отношение как антагонистическое.

В последние годы другие авторы пошли по тому же пути, что и Рубин, подчёркивая двойственный характер труда, а затем сосредоточившись исключительно на абстрактном труде. Дерек Сэйер в своей книге «*Метод Маркса*» действительно посвящает раздел полезному труду/ абстрактному труду, но он очень мало говорит о полезном труде: «Это понятие [полезный труд] не представляет особой трудности по той простой причине, что оно описывает труд в его естественной форме. То же самое, однако, нельзя сказать и о другом термине различия [абстрактный труд]» (Sayer 1979: 18). Точно так же Михаэль Хайнрих в своем ясном и влиятельном изложении критики политической экономии Маркса обращает внимание на важность для Маркса двойственного характера труда (Heinrich 2005: 45), но он делает это в разделе, посвящённом абстрактному труду, который уделяет мало внимания другой стороне двойственного, конкретного или полезного труда.

Мы оставляем некоторые из более поздних дискуссий в стороне для рассмотрения в контексте кризиса абстрактного труда, но, даже принимая их во внимание, остаётся верным, что почти без исключения вся марксистская традиция, вопреки чёткому утверждению Маркса на первых страницах «*Капитала*», рассматривает труд как единую категорию. Там, где говорится о двойственном характере труда, предполагается, что отношение между этими двумя аспектами труда не является антагонистическим и беспроблемным^[3].

В господствующей традиции ортодоксального марксизма этот беспроблемный "труд" начинает рассматриваться как позитивная сила, источник надежды. Борьба с капиталом рассматривается как борьба *самого* труда против капитала. Труд рассматривается не только как унитарная, но и как транс-историческая категория. С этой точки зрения труд рассматривается «как деятельность, опосредующая человека и природу, преобразующая материю целенаправленным образом и являющаяся условием общественной жизни. Труд, понимаемый таким образом, постулируется как источник богатства во всех обществах и как то, что составляет то, что действительно универсально и действительно социально» (Postone, 2003: 5)^[4]. Проблема капитализма, таким образом, не в том, что труд существует, а в том, что труд скован, не может достичь своего полного развития. Цель революции — освободить труд от его оков.

Можно было бы подумать, что здесь всего лишь вопрос слов, что основная идея господствующей традиции — в том, чтобы утверждать, что революция освободит полезный труд от его абстракции. Однако, поскольку в данной традиции упускается из виду двойственный характер труда, это различие невозможно провести. И это, конечно, не было сделано на практике: "коммунистические" революции ничего не сделали для преобразования труда.

Мы снова и снова возвращаемся к одному и тому же вопросу: почему двойственный характер труда, которому Маркс придавал такое значение, фактически исчез из обсуждения «*Капитала*» и из коммунистического движения? Почему категория полезного труда (или деятельности) эффективно подавляется? Это не было вызвано тем, что авторы, о которых идёт речь, недостаточно внимательно читали Маркса или размышляли над текстом. Чтобы найти объяснение, мы должны обратиться к самому развитию классовой борьбы.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОДАВЛЕНИЕ АНТАГОНИЗМА МЕЖДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И ТРУДОМ ЕСТЬ МОМЕНТ ГОСПОДСТВА В ПРАКТИКЕ БОРЬБЫ АБСТРАКТНОГО ТРУДА.

Чтобы понять эффективное подавление категории конкретного труда для описания деятельности, одновременно подчинённой и антагонистичной абстрактному труду, необходимо различать два уровня борьбы, которые мы уже обозначили в предыдущем тезисе.

Во-первых, это конфликт, который мы подчёркивали на протяжении всей этой книги и который Маркс изобразил как «отправной пункт, от которого зависит понимание Политической Экономии» (Marx 1867/1965: 41; 1867/1990: 132), то есть конфликт между абстрактным трудом и творческой или целенаправленной деятельностью. Этот конфликт непримирим. Сознательная деятельность есть отрицание абстрактного труда, тогда как абстракция труда есть подчинение сознательной деятельности производству для рынка: с одной стороны, потенциально социально самодетерминированная деятельность, с другой — труд, подчинённый чужой детерминации.

Эта абстракция деятельности в труд порождает второй уровень конфликта — конфликт между трудом и капиталом. Абстрактный труд обобществляется как принцип общественной деятельности только тогда, когда рабочая сила превращается в товар и происходит обобщение наёмных отношений, а следовательно, и эксплуатации. Мы обычно переживаем потерю контроля над своей собственной деятельностью не как прямой результат продажи наших продуктов на рынке, а скорее как результат того, что мы вынуждены продавать нашу способность к труду в обмен на заработную плату и выполнять работу, которая нам назначена. Абстрактный труд, который прежде всего принимает форму производства стоимости, теперь принимает форму производства прибавочной стоимости (и производит прибавочную стоимость, которую наш работодатель реализует как прибыль). Первоначальный конфликт между полезным трудом (деятельностью) и абстрактным трудом накладывается на конфликт между наёмным трудом и капиталом, сосредоточенным на эксплуатации. Интерес капитала состоит в том, чтобы максимально эксплуатировать наёмных рабочих: удлиняя рабочий день, уменьшая заработную плату, повышая производительность труда и т.д. Борьба наёмных

рабочих состоит в том, чтобы увеличить заработную плату, сократить рабочий день, добиться улучшения условий труда, в конечном счете, полностью уничтожить эксплуатацию.

Мы говорим здесь о двух различных уровнях классовой борьбы или о двух различных концепциях классовой борьбы? И о том, и о другом.

На самом деле существует два различных уровня классовой борьбы. Капиталистическое производство основано как на абстракции деятельности в труд, так и на эксплуатации абстрактного труда. Без абстракции деятельности в труд эксплуатация была бы невозможна. С другой стороны, именно в процессе эксплуатации абстракция труда навязывается вновь и повторно (чего может и не быть, в зависимости от обстоятельств). Эти две формы борьбы тесно переплетены и в то же время различны. Данное различие важно потому, что в одном случае речь идёт о борьбе деятельности *против* труда, а в другом — о борьбе *самого* труда против капитала^[5].

На самом деле существуют два различных уровня классовой борьбы, но эти два различных уровня также порождают два различных понимания классовой борьбы, с далеко идущими последствиями для борьбы против капитализма^[6].

Господствующее понимание, без сомнения, сосредоточивает своё внимание на отношениях эксплуатации, на борьбе *самого* труда против капитала. С точки зрения чтения «*Капитала*» оно рассматривает анализ производства прибавочной стоимости как центральный и склонно рассматривать обсуждение товара и двойственного характера труда (если вообще рассматривает его) как прелюдию к важному обсуждению. Этот подход рассматривает труд как революционный субъект и понимает труд как рабочий класс, определяемый как те, что производят прибавочную стоимость или продают свою рабочую силу капиталу. Термин «труд» употребляется как общий термин, не делается никакого различия между абстрактным и полезным трудом. С этой точки зрения первоначальное накопление, превращение деятельности в абстрактный труд — это эпизод в прошлом, печальная история, которая закрыта, так что остаётся лишь одно противоречие — противоречие между трудом и капиталом.

Альтернативный подход, гораздо менее распространённый и менее развитый, фокусируется на конфликте между конкретной деятельностью и абстрактным трудом, на борьбе деятельности с трудом. С точки зрения чтения «*Капитала*» он придаёт большое значение первой главе и рассматривает более поздний анализ производства прибавочной стоимости как развитие фундаментальной борьбы между деятельностью и абстрактным трудом^[7]. При таком подходе превращение деятельности в труд — это не закрытая книга, а живой антагонизм. Революционный субъект есть деятельность (сознательная жизнедеятельность), а враг, подлежащий уничтожению, есть абстрактный труд: борьба деятельности есть борьба рабочего класса против его собственного существования как рабочего класса, и определить рабочий класс невозможно, так как антагонизм между деятельностью и трудом пронизывает все аспекты нашего существования — и в самом деле, потому что процесс определения есть один из моментов процесса абстракции труда^[8].

С одной стороны, эти два подхода диаметрально противоположны, поскольку один рассматривает антикапитализм как борьбу *самого* труда, а другой — как борьбу *против* труда, однако мы не должны слишком торопиться проводить чёткие границы: на практике происходит постоянное размывание разделения, постоянное перетекание от более ограниченной к более широкой форме борьбы.

Понимание классовой борьбы как борьбы труда против капитала господствовало как на практике, так и в теории борьбы с капиталом, по крайней мере до самого последнего времени^[9]. Это имело колоссальные последствия для теории и практики борьбы. Среди прочего, это привело к полному игнорированию «двойственного характера труда», к теоретическому и практическому подавлению полезной деятельности, к низведению антагонизма между деятельностью и трудом в историческое прошлое, в древность первоначального накопления. Марксизм конца XIX и большей части XX века был частью классовой борьбы, но частью особой формы классовой борьбы, в которой антагонизм между деятельностью и абстрактным трудом был относительно неясен, в результате чего теория этой борьбы была слепа к двойственному характеру труда. Традиционный марксизм (не только ленинизм во всех его разновидностях, но и весь спектр, выходящий далеко за его пределы) был теорией борьбы *самого* труда против капитала.

Именно эта форма марксизма сейчас находится в кризисе, просто потому, что эта форма борьбы находится в кризисе. Вот то, что нам нужно исследовать. Кризис форм классовой борьбы подталкивает нас к исследованию новой революционной теории, нового марксизма: теории не *борьбы труда против капитала*, а *борьбы деятельности против труда* (а следовательно, и *против капитала*).

3. ГОСПОДСТВО АБСТРАКТНОГО ТРУДА ЕСТЬ САМОЗАТОЧЕНИЕ АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

Движение абстрактного труда против капитала метко названо "рабочим движением". В рабочем движении существование абстрактного труда обычно считается само собой разумеющимся, так что господствует единое понятие труда. Дихотомия между полезным трудом и абстрактным трудом полностью игнорируется как в теории, так и на практике: преодоление абстрактного труда, если оно вообще обсуждается, проецируется в будущее.

С первых дней индустриального капитализма рабочие, нанятые капиталистами, объединились в борьбе за улучшение условий труда, повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т.д. Типичной формой организации является профсоюз, иерархическая и в целом бюрократическая форма организации. Борьба абстрактного труда есть прежде всего борьба за занятость: борьба за улучшение условий труда, за повышение заработной платы, за увеличение занятости, борьба с безработицей. Эта борьба важна, она влияет на условия жизни миллионов и миллионов людей во всем мире. Но это также и борьба, которая принимает как должное воспроизводство капиталистического господства, подчинение нашей деятельности чужому контролю, продолжающаяся абстракция деятельности в труд.

Борьба профсоюзов — не единственная форма борьбы труда против капитала. Революционеры всегда утверждали, что борьбы профсоюзов недостаточно, что борьба профсоюзов лишь отстаивает условия наёмного труда, тогда как необходимо бороться за упразднение наёмного труда и эксплуатации. Борьба профсоюзов — это экономическая борьба, которая должна быть дополнена политической борьбой. Политическая борьба есть борьба за захват государственной власти и, с использованием государственной власти — за обобществление средств производства и упразднение наёмного труда. Такова классическая модель революции Второго, Третьего и Четвёртого Интернационалов. Это модель не только Ленина, но и всех ведущих революционеров конца XIX и первой половины XX века. Разделение между профсоюзной или экономической борьбой, с одной стороны, и политической, революционной борьбой — с другой, является краеугольным камнем ленинской теории революции, изложенной в «*Что делать?*» (Lenin 1902/1968). Но это не только Ленин: Роза Люксембург — интересный пример, который следует взять не для того, чтобы выделить её для критики, а просто потому, что она, возможно (по понятным причинам), самая почитаемая революционерка классического периода. Даже в своей брошюре «*Массовая забастовка*» (Luxemburg 1906/1970) она сохраняет разделение между экономической и политической борьбой.

В отрыве от экономической и политической борьбы просто теряется то превращение нашей деятельности в абстрактный труд, которое находится в центре капитализма. Его нет в идее экономической борьбы, потому что экономическая борьба — это улучшение условий наёмного труда. Нет его и в политической борьбе, потому что политическая борьба воспринимает экономическую борьбу как нечто само собой разумеющееся, как основу для построения революционного движения. В политической борьбе абстрактный труд выступает лишь (если вообще выступает) как нечто, подлежащее уничтожению в будущем, после захвата власти, но не как настоящая борьба. Однако на практике захват власти революционными движениями никогда не приводил к преобразованию трудового процесса, к освобождению деятельности от труда. Сама идея социалистической или коммунистической революции просто отделилась от любого представления об освобождающей деятельности. Понятие о двойственном характере труда исчезает не только из теории, но и из практики. Печально известна поддержка Лениным принятия тейлоризма в СССР: открытое провозглашение непреходящего господства общественно необходимого рабочего времени.

Борьба, разделённая на экономическую и политическую, не может подвергаться сомнению абстрактный труд просто потому, что абстрактный труд является основой разделения между экономическим и политическим. Абстрактный труд предполагается ещё заранее момента, в который мы проводим различие между экономической и политической борьбой, так что дополнение экономической борьбы политической борьбой не ставит под сомнение существование абстрактного труда, а подтверждает его. Он не преодолевает границы профсоюзного движения, а консолидирует их. Абстрактный труд есть основа фетишизма, на котором основано разделение экономического и политического: само разделение экономического и политического есть момент абстракции труда.

Взять наёмный труд (или просто труд) за основу антикапиталистического движения — значит просто заманить это движение в ловушку капитала. Для рабочего движения характерны все те черты абстрактного труда, которые были выделены в предыдущем обсуждении: овеществление общественных отношений, воспроизводство иерархии между мужчинами и женщинами и диморфизация сексуальности, объективация природы, принятие капиталистической концепции времени и, прежде всего, ориентация на государство, а также идея влияния на государство или захвата государственной власти. Мы могли бы продолжать и продолжать, но суть ясна. До тех пор, пока абстрактный (или наёмный) труд принимается за бесспорную основу рабочего движения или революционного движения, это движение будет нести вперёд все овеществлённые понятия и формы поведения, которые возникают из абстракции деятельности в труд.

Теперь мы можем видеть, что непризнание двойственного характера труда составляет ядро более крупной проблемы в марксистской традиции. Точно так же, как абстрактный труд создаёт замкнутый мир вещей и законов развития, так и теория, принимающая абстракцию деятельности в труд как нечто само собой разумеющееся и основывающаяся на едином понятии труда, концептуально замыкает себя в том же самом мире. В этом концептуальном мире люди превращаются в носителей общественных отношений; классы становятся определяемыми и определёнными группами людей: деньги, капитал, процент и т.д. становятся ключевыми категориями новой политической экономии, ориентированной на понимание законов капиталистического развития. Это марксизм марксистской экономики, марксистской социологии, марксистской философии, марксистской политической науки и т.д. Критика забыта, и марксизм рассматривается как позитивная наука, своего рода структурный функционализм^[10], посвящённый изучению структур капиталистического общества и функциональных связей между ними. Поскольку важнейшая категория труда одномерна, мы приходим к одномерному марксизму, который фокусируется на анализе капитала и его логики, или структур и движений капиталистического господства. Марксизм из теории борьбы становится теорией господства. Дело не в том, что борьба забыта, а в том, что она лежит вне центральных категорий марксизма. Накопление капитала, например, понимается не как борьба, а как контекст, в котором происходит борьба; капиталистический кризис понимается не как интенсификация борьбы, а как предоставление возможностей для борьбы. Категории понимаются скорее как закрытые категории, чем как концептуализации антагонистических отношений, как отношения борьбы (открытые). Все это было сказано ранее и действительно является центральным в аргументации "открытого марксизма". Что для меня, пожалуй, ново, так это осознание того, что центральной категорией во всём этом является труд. Замкнутое, единое понятие труда порождает замкнутое понимание всех категорий, а понимание труда как открытого антагонизма порождает понимание всех категорий как открытых антагонизмов. Если труд следует понимать как сокрытие живого антагонизма между тем, чтобы делать то, что мы хотим, и тем, чтобы трудиться под диктовку капитала, то все категории должны быть поняты как сокрытие родственной борьбы: это поля битвы, на которых мы все живём и умираем.

Абстрактный труд на 150 лет заключил в тюрьму движение против капитализма. Сказать это — не значит умалить борьбу всех тех людей, которые посвятили свою жизнь и часто жертвовали ею в борьбе за лучший мир. Совсем наоборот. Если мечта о лучшем мире и живёт, то только

благодаря их борьбе: такая книга, как эта, непременно выражает глубокую благодарность и восхищение их бунтарской жизнью^[11]. Трагедия заключается в том, что эти восстания были пойманы в ловушку организационных и концептуальных рамок, возникших на основе абстрактного труда.

Однако антикапиталистическая борьба всегда вытекала из рабочего движения, всегда было «другое рабочее движение»^[12]. Борьба с капитализмом всегда велась внутри рабочего движения, в противовес ему и вне его, но в последние годы борьба с капитализмом приобрела более важное значение. Как абстрактный труд становится всё менее способным сдерживать силу действия, так и движение, построенное на абстрактном труде, рабочее движение, становится всё менее способным сдерживать нашу ярость против существующего мира. Кризис абстрактного труда есть кризис рабочего движения.

1. Работа Рубина была впервые опубликована примерно в 1923 году, но дата неясна, поэтому я сослался на неё на основании третьего издания 1928 года. [↗](#)
2. Например, см. Mattick (1969/1974 и 1981). [↗](#)
3. Исключение можно найти в заключительных строках статьи Дианы Элсон «Теория стоимости труда» (Elson 1979), где она делает открытие в том направлении, в котором я аргументирую в настоящей книге: «*Капитал*» ... анализирует ... определение труда как исторического процесса формирования того, что внутренне не оформлено; утверждение, что специфическим для капитализма является господство одного аспекта труда, абстрактного труда, объективированного в виде стоимости. На этой основе можно понять, почему капитал может казаться господствующим субъектом, а индивиды — просто носителями капиталистических производственных отношений; но можно также установить, почему в этом только половина истины. Ибо анализ Маркса также признает *пределы* тенденции сводить индивидов к носителям ценностных форм. Это достигается путём включения в анализ субъективных, сознательных, частных аспектов труда в понятиях частного и конкретного труда и коллективного аспекта труда в понятии общественного труда ... Таким образом, аргумент «*Капитала*» включает в себя материальную базу для политических действий. Субъективные, сознательные и коллективные аспекты человечества получают признание. Политическая задача состоит в том, чтобы свести воедино эти частные, конкретные и социальные аспекты труда без посредничества форм стоимости — для создания особой, сознательной коллективной деятельности, направленной против эксплуатации. Марксова теория эксплуатации встроила в неё эту возможность» (там же: 174). Это необычный отрывок, который решительно плывёт против течения одноглазого марксизма. [↗](#)
4. Ссылка на страницу взята из PDF-версии, доступной по адресу http://home.comcast.net/~platypus1848/postone_lukacsdialecticalcritique2003.pdf [↗](#)

5. Маркс тоже понимал коммунистическое движение как движение *против* труда: «Коммунистическая революция направлена против предшествующего *способа* деятельности, уничтожает *труд*» и «речь идёт не об освобождении, а об упразднении труда» (Marx and Engels, 1845/1976: 52). Оба они цитируются Маркузе в разделе, посвящённом "упразднению труда" (1941/1969: 292). См. также Arhur (1986: гл. 1). [↗](#)
6. Постон также проводит чёткое различие «между двумя принципиально различными способами критического анализа: критикой капитализма с точки зрения труда, с одной стороны, и критикой труда в капитализме — с другой» (Postone 1996: 5). Постон не даёт понять, откуда исходит критика труда: *другая сторона* отсутствует в его анализе. См. ниже (Тезис 25, Заметка 4) для более подробного обсуждения Посто́на. [↗](#)
7. Неверно думать, что анализ, сосредоточенный на первой главе «*Капитала*», обязательно сосредоточен на обращении (см. Hanloser and Reitter 2008), поскольку именно здесь обозначается двойственный характер труда. Здесь речь идёт о решающем различии между анализом стоимости и анализом, сосредоточенным на двойственном характере труда. [↗](#)
8. По вопросу определения см. Holloway (2002/2005: гл. 4). [↗](#)
9. См. Krisis Gruppe (1999/2004: 16, с. 6): «Политические левые всегда горячо почитали труд. Они стилизовали труд как истинную природу человеческого существа и мистифицировали его, превратив в мнимый контрпринцип капитала. Позором считался не труд, а его эксплуатация капиталом. В результате программой всех «рабочих партий» всегда было «освобождение труда», а не «освобождение от труда». Однако социальная оппозиция капитала и труда есть лишь оппозиция различных (хотя и неодинаковых по силе) интересов внутри капиталистической самоцели». [↗](#)
10. Превосходную критику структурного функционализма, столь характерного для современной марксистской литературы, можно найти у Clarke (1977/1991). [↗](#)
11. Живя в Латинской Америке, невозможно забыть об этом даже на мгновение. В этом я многому научился у моих гватемальских друзей и коллег, Серхио Тишлера и Карлоса Фигероа. [↗](#)
12. О концепции «другого рабочего движения» см. Roth (1974). [↗](#)